

Когда первая неловкость прошла, Гарри обнаружил, что ему очень нравится проводить время с двумя своими девочками в этой большой ванне. Котоне радостно купалась, а Гермиона просто прислонилась затылком к соседней стороне ванны и каждой клеточкой ощущала, как прохладная вода успокаивает ее раздраженную кожу.

Несколько раз ему приходилось сдерживать себя и стараться не пялиться на Гермиону, когда та откидывала голову на край ванны; разглядеть что-то было все равно невозможно, ведь она старательно держала свое тело под густой пеной, покрывавшей поверхность воды.

А вот Котоне совсем не пыталась прятать свое тело под водой. Она радостно переплывала из одного угла ванны в другой, что уже само по себе было очень любопытным зрелищем, ведь она использовала свои волосы и хвост, чтобы плыть. Гарри смог рассмотреть все ее шрамы; они покрывали не только спину маленькой девочки, но и ее тело спереди, ее руки и ноги. Все вещи, которые она носила, скрывали ее тело, поэтому он даже не догадывался о таком количестве шрамов.

Гарри вспомнил замечание, которое Рон сделал в «доме», где они скрывались. Он спросил Гарри, а что они вообще знают о Котоне. Рон был прав, но в тот раз Гарри смог уклониться прямого от ответа на этот вопрос. Ему пришлось признаться самому себе, что он почти ничего не знает об ее прошлом. Он знает лишь то, о чем он ее когда-то спросил. Гарри знал, что она приехала в Великобританию во время матча Кубка мира по квиддичу вместе со своими родителями и что они погибли во время хаоса, который начался, когда на этом матче появились Пожиратели Смерти. Он знал, что после смерти ее родителей она находилась в руках Министерства, и ей не разрешали поддерживать связь с родиной, в результате чего состояние ее семьи было украдено ее родной теткой, и Котоне осталась одна без гроша в чужой стране. Он знал, что ее мать была жрицей, а ее отец, точнее, отчим был мастером по изготовлению волшебных палочек в Японии. Кроме этого, Гарри больше ничего о ней и не знал.

Чем больше Гарри об этом думал, тем больше понимал, что единственное, что он о ней знает — это все те трагедии, которые она пережила, и, наверное, ему следовало бы расспросить ее поподробней. Если он собирается стать ее отцом или опекуном, то ему нужно узнать о ней побольше. Все то хорошее и плохое... что было в ее прошлом.

Когда Котоне подплыла к нему, Гарри взял ее за руку и усадил перед собой. Он повернул ее спиной к себе и внимательно осмотрел все ее многочисленные шрамы. Он не мог не сосредоточиться на длинных рваных шрамах на лопатках Котоне. С сочувствием в голосе Гарри спросил у маленькой девочки:

— Откуда у тебя эти шрамы?

Котоне оглянулась на него через плечо. Счастье, светившееся в ее глазах за мгновение до этого, внезапно исчезло и сменилось грустью, такой же, как и тогда, когда он впервые увидел ее на Платформе «Девять и три четверти». Котоне вздохнула, и даже нижняя накрашенная губа на ее фарфоровой маске задрожала. В этот момент Гарри подумал, что Гермиона слишком уж хорошо поработала, накладывая чары на маску маленькой ведьмочки.

Котоне стыдливо отвернулась и опустила голову.

— Страх может заставить хороших людей делать плохие поступки, а плохих — еще худшие, — сказала она и замолчала.

— Это... сделали с тобой твои родители? — тихонько спросил Гарри.

Котоне обернулась. Ее глаза были широко распахнуты, и она яростно покачала головой, воскликнув:

— Нет! Мать и отец очень любили меня. Они очень сердились, когда со мной происходили такие плохие вещи.

— Тогда что с тобой случилось? — с искренним сочувствием спросил Гарри.

Печальные глаза Котоне встретились с его взглядом, и она немного испуганно спросила:

— Ты уверен, что ты хочешь это знать?

Взгляд Гарри опустился на ее грудь, видневшуюся над пеной. От верхней части ее правого плеча и до левой груди виднелся длинный тонкий шрам, исчезающий под пеной. Другой шрам проходил горизонтально по ее груди и заканчивался где-то под левой подмышкой. Было и множество других шрамов самой разной формы — одни были маленькие и круглые, а другие глубокие, рваные, зарубцевавшиеся. Гарри заметил и большое морщинистое розоватое пятно, которое, скорее всего, было зажившим ожогом. Похоже, у нее их было немало.

Они снова встретились взглядами, и Гарри мрачно кивнул.

Котоне на мгновение закрыла глаза, а когда они вновь распахнулись, Гарри увидел, что ванная вокруг него исчезла, и его охватило знакомое ощущение замедления времени. Внезапно в его голове промелькнуло огромное количество воспоминаний, и вся ее жизнь была изложена перед ним, сжатая до нескольких минут.

Стайка насмехающихся маленьких детей кидала в нее камнями размером с кулак. Она чувствовала, как камни ударяются о ее крохотное тело. Чувствовала, как ломаются кости и струйка крови просачивается сквозь одежду, когда она плакала в грязи, недоумевая, почему никто из взрослых, наблюдавших за этой сценой, даже не пытается вмешаться и помочь ей. Один особенно острый камень ударился об основание ее левого крыла, раздробив кость и почти оторвав крыло от тела...

Ее тетя, бьющая Котоне по теперь уже бескрылой спине своим посохом за то, что та не накормила ее кошку, пока тети не было дома. Ту самую кошку, к которой ей не разрешали приближаться из опасения, что Котоне может ее съесть...

Мелькало все больше и больше воспоминаний, воспоминаний о боли и мучениях, ненависти и страхе.

Она была затоптана толпой людей, бежавших от странных людей в масках-черепках. Один человек в такой маске взглянул прямо на неё и, на мгновение замерев от шока, наложил на неё какое-то странное проклятие, в результате чего на груди Котоне появилась огромная рана...

Она нашла догорающие остатки созданной с помощью магии палатки, в которой они остановились на ночь, и увидела своих умирающих родителей. Котоне чувствовала, как пылающие стенки палатки падают на нее сверху, когда она попыталась установить связь со своей матерью; но она была придавлена горящими обрывками, прежде чем смогла ей помочь...

А вот она заперта в крошечной клетке и смотрит в глаза, которые она уже видела раньше... глаза, горящие страхом и отвращением... Глаза человека, наложившего то самое проклятие, ранившее ее в грудь во время матча по квиддичу... глаза ее тюремщика, Уолдена Макнейра. Мужчина был зол из-за того, что она так много плачет, но она ничего не могла с собой поделать. Котоне была с ног до головы покрыта болезненными струпьями и волдырями на обугленной коже...

Гарри стало подташнивать, пока он наблюдал за десятками этих ужасающих сцен, неумолимо проносящихся в его голове. Бесконечные воспоминания об избиениях и людском пренебрежении, о жестокости и предательстве. Его сердце охватило глубокое чувство отчаяния и безнадежности. В очередной раз Гарри понял, что он, наверное, никогда не привыкнет к этому — спокойно видеть прошлое глазами Котоне. Тем временем штурм воспоминаний продолжался.

Те же самые глаза ехидно наблюдали за ней, когда она лежала, голая и голодная, на полу этой клетки, вся в поту, крови и собственных экскрементах. Этот человек разговаривал со своей помощницей, уродливой старой ведьмой по имени Ивонн Яксли, и сожалел, что ему не разрешили «разрезать зверя», чтобы узнать, как же она смогла так быстро восстановиться...

— Не дали развлечься! — сказал этот жестокий человек, вновь вытаскивая свою палочку. Мгновение спустя Котоне закричала от боли, раненая в ногу дробящим кости проклятием...

Она с криком вскочила на кровати в своей маленькой грязной комнате, откинула тонкое одеяло и обнаружила, что ночью кто-то в качестве шутки покрыл все ее тело кислотными червями. Она чувствовала неприятное горящее слизистое ощущение на своей коже...

Печальные фиолетовые глаза, с помощью которых Гарри взирал на прошлое Котоне, неожиданно моргнули, и в его голове пронеслось последнее воспоминание.

Котоне через Косой переулок нес человек, который вытащил ее из этого кошмара, окружавшего её в приюте. Она взглянула на доброго человека и сказала:

— Шиши-кун, что со мной будет? Я одна. Родители мертвы. Барни-кун мертв. У меня ничего нет. Никому не нужны такие уродливые животные, как я. Куда я пойду?

Тогда добрый человек сказал ей спокойным, ровным голосом:

— Однажды одна очень умная ведьма сказала мне, что я должен «спасти всех людей мира»; и, поскольку мне суждено спасти волшебный мир, я верю, что я смогу найти в моем расписании время, чтобы спасти одну красивую маленькую ведьму. Ты обещала защитить меня, поэтому я обещаю защищать тебя...

Чувство любви и счастья, которое Гарри испытывал в этот момент, было просто безграничным.

Котоне осторожно разорвала связь с Гарри, и перед ним вновь появилась ванная комната, а

темнота отступила. Он был удивлен тем, что по его щекам текут слезы; Гарри не был уверен, были ли это слезы боли от увиденных им испытаний или слезы счастья от последнего воспоминания, которое ему показала Котоне.

— Видишь? — сказала Котоне, и на ее маске появилась легкая улыбка. — Сейчас все намного лучше.

Совершенно забыв, что они находятся в ванне, Гарри резко притянул к себе Котоне и заключил ее в объятия, и она совершенно не сопротивлялась. Ощувив линии шрамов на голой спине Котоне, он вдруг понял, что обнимает обнаженную молодую девушку, и отпрянул от нее, чтобы между ними образовалась дистанция, равная расстоянию вытянутой руки. Это рассмешило Котоне.

— Брат Лев, в совместном купании семьи нет ничего постыдного! Тебе следует к этому привыкнуть!

Котоне взглянула на Гермиону, сидевшую неподалёку, наблюдая за тем, какое у нее стало забавное выражение лица; она понимала, насколько сейчас взволнован и сам Гарри — после своего инстинктивного порыва.

На маске Котоне появилась ухмылка, и она сказала Гермионе:

— Ты тоже часть семьи! Привыкай!

Прежде чем Гермиона смогла как-то отреагировать, Котоне бросилась к ней и обняла её так же, как только что ее обнял Гарри; Гермиона от неожиданности взвизгнула, а затем напряженно застыла, хотя в уголках ее рта затаилась легкая улыбка.

Котоне отпустила Гермиону, продолжая широко улыбаться. Она подошла к краю ванны и села на него, весело сказав:

— Время принимать ванну закончилось, а то я уже вся в морщинах!

Котоне наклонилась и подняла свой брошенный на пол купальный костюм. Она подошла к раковине и смыла с него песок и соленую воду, а затем она взглянула на Гермиону и протянула его ей.

Понимая, чего от нее хочет маленькая девочка, Гермиона взяла свою палочку с края ванны и, немного подумав, превратила голубой купальник с оборками в одеяние, похожее на длинное бело-золотое кимоно.

Гермиона не слишком хорошо представляла, как должно выглядеть настоящее кимоно, поэтому она наколдовала пушистый халат, который был на него очень похож. Но все равно

Котоне выглядела очень взволнованной, когда она облачилась в него и вышла из ванной, шлепая по кафельному полу мокрыми ногами и оставляя за собой влажные следы.

Когда Котоне наконец-то оделась и ушла, Гарри снова попытался проанализировать те воспоминания, которыми она с ним поделилась. Все, что он знал о ней раньше — это была история о милой, вежливой и заботливой девочке, несмотря на ее необычную внешность. Ему было трудно представить себе, что люди могут обращаться с кем-то вроде нее с такой невероятной жестокостью, с такой злобой.

Он понимал, что то, как к ней относились почти все, с кем она сталкивалась, нельзя объяснить страхом. Конечно, дети могут быть невероятно жестокими, и Гарри это хорошо знал. Даже с учетом того, что детство Котоне прошло в другой стране с совершенно иной культурой, отличающейся от той, в которой вырос сам Гарри, публичное избивание камнями со стороны других детей ее возраста казалось ему просто немыслимым.

— Я видела то, что она тебе показала, — тихо сказала Гермиона, оторвав его от этих мрачных мыслей. — Я видела происходящие события, но не могла ничего чувствовать, как ты. Я не знаю, действительно ли она хотела, чтобы я тоже это увидела, или это просто побочный эффект моей собственной магии. То же самое произошло, когда она пыталась помочь тебе сразу после того, как ты прикоснулся к тому медальону. Я понимала, что она говорит и что она пытается для тебя сделать.

— Что ж, я собираюсь убедиться, что с ней все в порядке, — сказал Гарри, вставая. Он уже собрался выбраться из ванны, но застыл, когда вдруг понял, что Гермиона увидит в тот момент, когда он выйдет из воды. Он протянул руку, намереваясь схватить штаны, которые все еще лежали на полу поблизости, но обнаружил, что они находятся в нескольких дюймах от него, и он не может до них дотянуться.

— Позволь мне помочь, — сказала Гермиона, взяв свою палочку. Взмахнув ею, она произнесла: — *Wingardium Leviosa!*

Гарри с тревогой наблюдал, как его брюки, внутри которых все еще оставалось нижнее белье, поднялись с пола, повисли над полочкой рядом с раковиной, а затем аккуратно улеглись на нее.

Когда Гарри повернулся к ней с лицом, на котором явно читалась паника, Гермиона ласково сказала:

— Это справедливо, Гарри. Вообще-то ты уже дважды видел меня не в самом лучшем свете...

Она невинно заморгала, и у нее было самое ангельское выражение лица за все время, что он был с ней знаком. Но в глазах Гермионы плясали дьявольские искорки, явно выдававшие ее помыслы.

Без палочки Гарри чувствовал себя таким же голым, каким он сейчас был физически. Он бросил на нее последний умоляющий взгляд, но было ясно, что она не собиралась возвращать ему его одежду. Тяжело вздохнув, он вылез из воды и поспешил к полке, схватил свою одежду и начал поспешно одеваться.

Гарри как раз застегивал пряжку ремня, когда он смущенно повернулся к Гермионе и обнаружил, что она смотрит на него ошеломленным затуманенным взглядом. Он уже открыл рот, чтобы извиниться, но не стал это делать, а просто вздохнул и вышел из ванной, натягивая на себя рубашку.

Когда Гарри вышел из ванной, он был удивлен, обнаружив, что Котоне крепко спит, свернувшись калачиком на ковре из шкуры белого медведя. Когда он осторожно поднял ее с пола, он пожалел, что у него сейчас нет палочки. Он бы превратил кровать, стоящую в детской, в небольшую кровать для нее. Гарри поднялся по лестнице и уложил Котоне на кровать, сел рядом с ней и смотрел, как она спит, пока не услышал звуки, доносящиеся снизу.

Он смотрел, как Гермиона вышла из ванной, вновь одетая в свой черный спортивный костюм. Она на мгновение огляделась по сторонам, а затем вытащила свою палочку и начала с помощью магии убирать пыль, накопившуюся за последнее десятилетие.

Гарри не мог не смотреть на нее, пока она работала, изящно манипулируя своей палочкой и грациозно двигаясь вдоль комнаты. Ее карие глаза были сосредоточены, когда она передвигалась из одного места в другое. Гермиона поворачивала запястье, и облако пыли поднималось в воздух, а затем уплотнялось в небольшой плавающий шарик, прежде чем полностью исчезнуть. Ее медленные, элегантные движения и методичная, плавная манера обхода комнаты просто завораживали его.

Ему в голову лезли шальные мысли, и он представил, как она выполняет эти заклинания без одежды. Мысленным взором он почти уже увидел, как качаются ее груди, когда она размахивает своей палочкой. Гарри представил все линии ее спины и изгиб ягодиц, когда она легко шагнула на новое место, которое нужно было очистить от пыли. Он даже не осознавал, что изучал каждое ее движение, пока не увидел, как она резко остановилась около камина.

Он внезапно заметил, что она смотрит на него снизу вверх. В воздухе все еще висело облако пыли. Гарри поднялся с кровати и спустился вниз по лестнице. Когда он подошел к ней, Гермиона смотрела на него со странным, почти испуганным выражением лица.

— Все хорошо? — обеспокоенно спросил Гарри, решив, что, наверное, она боится, что он рассердился на нее из-за маленькой шутки, которую она сыграла с ним в ванной.

Гермиона убрала это висящее в воздухе облако пыли, затем посмотрела на Гарри и поспешно сказала:

— Я... Я хочу выйти на прогулку. Мне... мне нужно немного воздуха.

Не сказав больше ни слова, она направилась к входной двери и вышла на сумеречный пляж.

Гарри пришло в голову последовать за ней, чтобы спросить, чем же она так расстроена, но ей, наверное, нужно было немного побыть одной. Он оглядел наполовину убранную комнату и быстро понял, что ей действительно нечего здесь делать. Вокруг не было ни одной книги.

Он прошел на кухню и бегло осмотрел холодильник, кладовую и содержимое кухонных шкафов. Он знал, что в доме нет еды, и даже если бы она была, за столько лет она уже давно бы испортилась.

Гарри зашел в детскую и начал осматривать явно никогда не использованную мебель. Он отметил, что детская кровать и пеленальный столик были покрыты светло-желтой обивкой. Наверное, его родители не знали, кто у них родится — мальчик или девочка, и выбрали нейтральный цвет. В любом случае, они всегда могли бы изменить цвет с помощью магии.

Он в последний раз окинул взглядом детскую, а затем вернулся в главную комнату. Гарри тихонько поднялся по лестнице и посмотрел на Котоне, метавшуюся во сне. Он видел, что ее ноги и хвост подергиваются под длинным кимоно, а плотно закрытые веки дрожат. Время от времени она издавала тихий стон или болезненный вздох. Гарри мог только догадываться, какие из мучительных воспоминаний её сейчас преследуют.

Он подумал — а может, стоит ее разбудить, но решил не делать этого и просто дать ей отдохнуть. По собственному опыту он знал, что если он не просыпался во сне, то наутро он о нем даже не вспоминал. Гарри нежно положил ладонь ей на висок и легонько провел большим пальцем по ее белоснежному лбу. Он улыбнулся, когда увидел, что ее веки перестали дрожать от его прикосновения.

Поскольку ночь была достаточно теплой, он решил не накрывать её одеялом. Он подошел к двери, ведущей на балкон, и вышел на улицу. Гарри взглянул на пляж и увидел, что Гермiona сидит на самом краю берега внутри круга пульсирующего темно-фиолетового света. Этот свет напомнил ему черные лампочки, которые обычно устанавливают в противоугонных устройствах, используемых во время ночных вечеринок и поздних пикников. Неожиданно в небо взмыл закручивающийся вихрь магии из окружавшего ее светового кольца. Маленькие частички энергии, похожие на трепещущие лепестки цветов, танцевали в этом водовороте, тихонько поднимаясь в воздух.

С такого расстояния Гарри не мог понять, что же она делает, но внезапно он сильно забеспокоился. Он смотрел на странную сцену, пока это светящееся кольцо не испустило последнюю вспышку яркого фиолетового света, а затем полностью погасло. Ночь пронзил далекий, раздирающий душу крик, и он увидел, как Гермiona упала на бок.

Ледяной ужас сковал грудь Гарри; он, не раздумывая, перелез через перила и прыгнул с террасы балкона. Затем он пустился бегом по песку к самому краю берега.

В ясном ночном небе низко висел полумесяц, но он проливал достаточно света, чтобы Гарри,

приблизившись к Гермионе, смог разглядеть ужасающую сцену.

Она лежала на боку, свернувшись калачиком, в широком круге потемневшего от крови песка. Когда он опустился перед ней на колени и попытался ее усадить, он почувствовал, что ткань ее толстовки была влажной и липкой. Гарри заглянул в лицо Гермионы и увидел, что оно мертвенно-бледное; он не был уверен, а дышит ли она вообще. Он отдернул одну руку и в тусклом лунном свете увидел, что она вся в крови. Гарри в ужасе посмотрел вниз и заметил, что песок под ней тоже весь залит кровью.

— Что ты наделала? — спросил он отчаянным шепотом, поднял ее с песка и быстро зашагал к дому. Хотя воздух был теплым, он чувствовал от исходящий от ее тела смертельный холод. Холод, который не могло излучать ни одно живое существо.

— Не смей оставлять меня, Гермиона! — прошептал он ей, сдерживая слезы. — Не сейчас! Нет! Ты не можешь оставить меня сейчас! Я люблю тебя!

* * *

Гермиона вышла из ванной комнаты и нервно огляделась по сторонам. Краем глаза она заметила Гарри, сидящего рядом с Котоне на кровати. Гермиона была рада, что он не ждал ее. Она бы сейчас не смогла этого вынести.

Отчаявшись найти хоть какую-нибудь «напряженную работу», чтобы отвлечься от навязчивых мыслей, она занялась уборкой. Когда Гермиона была маленькой, всякий раз, когда она была чем-то расстроена или обеспокоена, она начинала убирать свою комнату; это доставляло огромное удовольствие её ленивой няне, присматривающей за ней. Ведь это означало, что этой неприятной девке будет меньше забот, за которые ей, однако, платили.

Через минуту она начала сметать пыль. С тех пор, как она достигла совершеннолетия в сентябре прошлого года, ей не часто выпадала возможность практиковать бытовые заклинания. Она сосредоточилась на своем занятии настолько, что совершенно забыла о том, что Гарри наблюдает за ней, хотя она на это надеялась. Гермиона забыла даже про солнечный ожог — благодаря тому, что она наложила на свою одежду холодящее заклинание. Без него она сейчас вряд ли смогла бы двигаться.

Как же ей нравилось быть ведьмой! Она уже с трудом могла вспомнить, какой была жизнь до того, как узнала о волшебном мире. Использование магии было для Гермионы настолько естественным, что она задавалась вопросом, как вообще так долго жила без нее. Взмах палочки — и ее кровать заправлена! Еще взмах — и ее чай, про который она забыла из-за особенно интересной главы, снова горячий и бодрящий! Пара взмахов — и облако пыли

уплотнялось, а затем полностью исчезало!

Она только что добралась до камина и огляделась, чтобы понять, какую площадь она уже убрала и что еще осталось сделать. Именно тогда она и совершила роковую ошибку.

Гермиона случайно взглянула вверх, и ее концентрация мгновенно испарилась. Она увидела, как пара зеленых глаз смотрит на нее сверху вниз из-за перил на чердаке. Она увидела выражение его лица, эту странную смесь признательности, удивления, восхищения и... и...

— «О... боже...мой...»

Это было все, что она смогла подумать в этот момент. Эффект от его взгляда был незамедлительным. Она почувствовала бурю в животе, давление в груди, из-за которого ей вдруг стало трудно дышать, и жар, распространяющийся у нее между ног и воспаляющий всю ее душу.

Гермиона не ожидала, что ее шалость так сильно на нее повлияет. Она не должна была этого делать! Зачем она это сделала? Что, черт возьми, ее дёрнуло заставить Гарри выйти из ванны голым? Теперь этот образ Гарри навсегда запечатлится в ее сознании. Вода и пена, стекающие по его спине и упругим ягодицам... То, как растягивались мышцы его бедра, когда он поднимал одну ногу через край ванны. Его внушительное мужское достоинство, висящее у него между ног, пока он шел к своей одежде. Она видела его сзади, когда он уходил от нее... повернувшись к ней спиной!

Она много раз видела обнаженными других девушек в гриффиндорской башне, особенно часто Лаванду Браун, которая, наверное, совсем этого не стеснялась. Но она никогда раньше не видела обнаженного парня. Ей не с кем было сравнивать Гарри, но его достоинство показалось ей просто огромным. Это, наверное, лишь её домыслы, или, может быть, шок. Но ей стало интересно, как нечто такое большое можно использовать для получения удовольствия?! Эта мысль была одновременно волнующей и пугающей.

Она моргнула и поняла, что Гарри стоит прямо перед ней. Как он мог так быстро спуститься с лестницы? Ее разум затуманился, и ей было трудно связно мыслить. Если она сейчас не выйдет из комнаты, у нее будут проблемы. Она поняла, что Гарри ее о чем-то спросил, но все, что она могла расслышать — это кровь, стучащая в висках, и, похоже, заглушающая все остальные звуки... Ей, наконец, удалось перевести дух, и она сказала первое, что пришло ей в голову:

— Я... Я хочу выйти на прогулку. Мне... мне нужно немного воздуха.

Выйдя из зоны влияния Гарри, она обнаружила, что мысли вновь стали связываться в логические цепочки. Конечно, она знала, что это всего лишь эффект проклятого эликсира Джинни. Или, точнее, отсутствие этого эффекта. В течение почти двух лет ее естественные гормональные всплески подавлялись, поэтому теперь, когда она вновь их ощутила, она совершенно не знала, как с ними справляться. Если бы она чувствовала их все время, то с ее... возбудимостью... можно было бы легко справиться. Теперь же ощущения были столь новыми и

сильными, что ей было трудно поверить в то, что они вообще были «нормальными» для девушки ее возраста.

Теперь Гермиона поняла эти полуночные разговоры между девушками в башне — разговоры, к которым она никогда не присоединялась, ведь она не понимала как можно «сходить с ума по парням». Неприятная сырость в ее трусиках свидетельствовала о том, что теперь она это очень хорошо поняла, ну что ж, спасибо.

Пока Гермиона шла к берегу, она начала анализировать свои чувства. Она так долго злилась на Гарри из-за воздействия эликсира, что для нее вообще было удивительно, как же они еще остались друзьями. Изменения в их отношениях за последние несколько лет были настолько постепенными, что она даже не могла точно сказать, когда впервые возникли эти негативные чувства. Если бы не тот факт, что она была в него влюблена и их связывали невидимые душевные узы, то, наверное, из-за этого проклятого эликсира они бы сейчас уже даже не разговаривали друг с другом.

Теперь, когда действие эликсира закончилось, она не чувствовала к нему ни обиды, ни неприязни, и ей казалось, что она снова влюбляется в Гарри. Она знала, что без душевной связи они все еще могут любить друг друга. Но ведь другие люди как-то же любили друг друга, женились, создавали семьи, вместе старились и без какой-то там «душевной связи» друг с другом.

Да, она снова смогла почувствовать любовь и привязанность к Гарри, но это бледнело по сравнению с тем, что было, когда они были связаны этими узами. Ей не хватало возможности понимать, о чем он думает, лишь бросив на него один-единственный взгляд. Того, как они мысленно разговаривали друг с другом, не произнося ни слова. И того, что она могла чувствовать, что он рядом, даже не видя его.

Она хотела этого больше всего на свете, и единственный способ это вернуть — устранить ту пиявку, которая присосалась к душе Гарри. А чтобы сделать это, необходимо выполнить ритуал усиления магических способностей.

Гермиона остановилась в нескольких ярдах от того места, где волны встречались с пляжем, и посмотрела на воду. Она знала, что ритуал опасен. У каждого человека ритуал срабатывал по-разному, поэтому у нее не было возможности точно сказать, как он на нее повлияет. Некроманту нужно было испытать смерть, чтобы понять ее. Это был риск, на который она была готова как никогда.

Она взяла палочку и начертила на песке широкий круг, а затем села в центре него. Гермиона сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, и медленно выдохнула через нос, затем произнесла заклинание «*Vitae Adficio*», от которого круг на песке вспыхнул ярким фиолетовым светом. Затем она закрыла глаза, прикоснулась палочкой ко лбу, чтобы войти в нужное «состояние». Почти сразу же появился медленно вращающийся символ Инь-Ян, и она почувствовала, как время вокруг нее замедляется.

Она открыла глаза и увидела вокруг какой-то сюрреалистический вид. Она не могла пошевелиться, но ее душа, казалось, сейчас обладала чем-то вроде всевидения. Волны еле двигались, очень медленно накатываясь на берег. Даже звуки насекомых и ночных птиц были устрашающе громкими, хотя они издавали свои обычные ночные звуки.

Когда она приступила к ритуалу, она сделала так, чтобы душа была отделена от ее физического тела, но не покидала его границ. Хотя она сейчас и не могла это почувствовать, она понимала, как жизнь покидает ее тело. Гермiona взглянула на себя и увидела, как кровь вытекает из ее груди, пропитывает ее одежду и стекает в песок, хотя на ее теле и не было физической раны.

Она должна была очень точно рассчитать время. Ей придется воссоединиться со своим телом за мгновение до смерти. Если все будет сделано правильно, кровотечение остановится, и она сможет «увидеть» смерть и в процессе ритуала создать союз между своей душой и царством загробной жизни. Если она слишком рано вернется в тело, этот союз не сформируется так, как надо. А если же слишком поздно — то она просто умрет.

Гермиона подняла глаза от пропитанного кровью песка и обнаружила, что окружающий пляж, океан и тропическая зелень растворились во тьме. На какое-то ужасное мгновение ей показалось, что она утратила концентрацию и упустила момент, когда ей нужно было восстановить связь с телом; но она каким-то образом она почувствовала, что ее тело все еще цепляется за жизнь.

Внезапно ее окружил чрезвычайно яркий белый свет, который никак не освещал пространство вокруг нее. Все, что она сейчас видела — лишь холмистый ландшафт, который, казалось, был создан из густого тумана. Постепенно она смогла различать фигуры — темные фигуры, движущиеся в этом тумане... Пока она смотрела на них, из ниоткуда появлялось все больше и больше фигур; казалось, что их огромное множество, их толпы простираются до горизонта и даже еще дальше.

Гермиона села и наблюдала за происходящим вокруг нее. На первый взгляд, фигуры, блуждающие рядом с ней, просто бесцельно слоняются вокруг, выполняя какие-то обыденные задачи, известные только им самим. Фигуры двигались, иногда сквозь друг друга, и никто из них не обращал внимания ни на нее, ни множество других душ вокруг.

Она вспомнила, что в книге указывалось, что загробная жизнь протекает по тем же законам, что и магия — в ней есть различные частоты и гармонические колебания, которые разделяют различные измерения потустороннего мира. Сосредоточившись на некромантической природе своей магии, она попыталась «изменить» свое нахождение в этом мире. Эффект был поразительным и мгновенным.

Она обнаружила, что не может изменить свое присутствие в загробной жизни, но может «отфильтровать» различные измерения, так что в ее сознании останется лишь одно-единственное. Огромная масса фигур исчезла из ее поля зрения, и осталось совсем немного душ, движущихся и взаимодействующих друг с другом.

Туман вокруг нее рассеялся, оставив вместо себя шумный городской пейзаж. Фигуры больше не были расплывчатыми очертаниями гуманоидов, а приобрели физический облик людей. Гермиона обнаружила, что они тоже могут видеть ее и взаимодействовать с ней, поскольку она сразу же привлекла внимание нескольких фигур, находящихся рядом с ней.

Как бы сильно она ни хотела, у нее просто не было времени на долгие разговоры с мертвыми незнакомцами. Она хотела узнать как можно больше о загробной жизни за отведенное ей время. Гермиона все еще чувствовала болезненно медленный сердечный ритм своего физического тела, но знала, что время очень быстро истекает.

Она сконцентрировалась, и сцена городской жизни вокруг нее сменилась бескрайними сельскими просторами. Люди работали на полях, слишком занятые своими делами, чтобы замечать Гермиону. Она повторила эту процедуру еще несколько раз, и каждый раз ее окружал другой тип ландшафта.

Она чувствовала, как ее сердцебиение замедляется. Понимая, что время почти вышло, она в последний раз сменила свое окружение, и вокруг нее появилось другое измерение; это потрясло ее до глубины души. Воздух вокруг нее была невыносимо горячим и густым от тошнотворного желтого дыма. Если бы она могла дышать в этом месте, то, наверное, она бы лишь кашляла и задыхалась. Вокруг было много людей, и, похоже, никто из них здесь не проводил время хорошо и спокойно. В отличие от нее, люди в этом месте дышали, но воздействие ядовитого воздуха на них было очевидным.

Ей следовало немедленно уйти оттуда. Она больше ни минуты не могла видеть измученные души. Гермиона позволила измерениям скрыться, и ее снова окружил туман и множество душ превратилось в массу безликих, призрачных теней.

Приложив немалые усилия, она заставила себя выйти из этого состояния и сразу почувствовала ужасную боль, которая пронизывала все ее тело. Все, что она могла сделать — это лишь издать мучительный крик, когда поняла, что что-то пошло не так. Ее тело не желало принимать её душу обратно. Ей казалось, что она существует в обоих мирах, но ей не рады ни в одном из них. Вокруг нее по-прежнему царила чернота, но не было ни густого тумана, ни зеленого тропического острова. Просто ничего. Она почувствовала, что начинает паниковать, и дезориентировалась все больше и больше.

Внезапно вокруг нее эхом разнесся женский голос. Это был мягкий, смутно знакомый голос, но она никак не могла понять, где она слышала его раньше. Голос сказал ей успокаивающим тоном:

— Не бойся... Идет твой мужчина, чтобы отвести тебя домой.

Гермиона не ответила, точнее, не смогла ответить. Боль была настолько сильной, что она вообще сейчас ничего не могла. Затем она услышала другой голос. Этот голос она знала. Он казался испуганным, и слова эхом разносились над ней:

— Не смей оставлять меня, Гермиона! Не сейчас! Нет! Никогда!

Следуя его голосу, она почувствовала, как боль в ее теле утихает. Гермиона снова почувствовала, как ее душа воссоединяется с телом. Она понимала, что жива, но состояние очень критическое. Она не могла не улыбнуться, когда услышала, как он сказал:

— Ты не можешь оставить меня сейчас! Я люблю тебя!

За секунду до того, как потерять сознание, Гермиона подумала про себя:

«Не волнуйся, я никогда не смогу тебя оставить. Я тоже тебя люблю»

<http://tl.rulate.ru/book/95388/3818757>